

5 Сильнее смерти

Лечивший меня врач однажды сказал:

— Дело кончится плохо! Тебя увезет из театра скорая помощь. Оставь ты сцену! Читай, гуляй, посиживай в кресле. Ведь ты это кровью заслужил!

Без любимого дела я не жилец на свете. Если бы мне сказали, что посиживая в кресле я проживу даже сто пятьдесят лет, то и тогда бы я отказался. Творческий труд победил в моей жизни такую трагедию, которая, казалось бы, должна была навсегда закрыть передо мной двери театра.

В 1943 году в боях под Харьковом я был ранен в обе ноги и попал в окружение. Каким нечеловеческим усилием я заставлял себя двигаться!

Пачка молотого гороха, которую мы делили по щепотке в день, давно кончилась. Мы грызли ремни. Шли ночами целиной, проваливаясь в снег по пояс. Потом уже не шли, а ползли, выбрасывая вперед синие обмороженные кулаки и подтягивая вслед непослушное тело.

На седьмые сутки нас осталось двое: я и капитан Ефимов.

— Идем, Федя, идем! — горючил я. — Нам нельзя умирать в этой

степи... Надо жить, чтобы бороться. Ведь мы солдаты, Федя! А мы... лежим тут... бесцельно... глупо...

Трудно припомнить сейчас, говорил ли я буквально так вслух или мысленно, но одно ясно помню: была мысль о том, что нельзя умирать в такое время! Столько уже пережито — и вдруг погибнуть. Ведь всего лишь несколько дней назад командир прочел нам перед строем приказ товарища Сталина, в котором всему народу возвещалось, что «началось массовое изгнание врага из пределов Советской страны». Как ждали мы этих дней!

Скажу откровенно: за годы войны я привык как-то особенно глубоко верить каждому слову Сталина. Этому научила боевая жизнь. Мы не только видели, но и всем своим суровым фронтовым опытом выстрадали твердую уверенность в прозорливости этого великого человека. Уже никто не сомневался: если сказал Сталин — так и будет, обязательно будет!

Как во сне, мы снова ползли сквозь мятель по сугробам, отмечая путь кровавым следом. На девятые сутки у меня началась гангрена и галлюцинации. Я кри-

чал и среди поля, ночью видел и звал Катю, жену... Тогда Ефимов тряс меня за плечи:

— Борис! Ну, терпи, крепись, дружище! Не может быть, чтобы без нас наступил праздник на нашей улице.

Я видел замерзшие капельки слез на его щеках, и я вспоминал, что слова о будущем празднике на нашей улице принадлежат тоже Сталину. Только сказаны они еще раньше, в приказе 7 ноября 1942 года, когда судьба Родины решалась в громе сталинградского побоища.

Невдалеке от Красного Лимана нас подобрали разведчики. В госпитале мне отняли обе ноги — одну по голень, другую по бедро...

В те горькие дни я не думал о жизни. Как чурбан лежал на госпитальной койке и смотрел в потолок остановившимся взглядом. Ну, кому я теперь нужен! Вот спасли мне хирурги жизнь, а дальше что? Придется навсегда расстаться с подвижной любимой работой режиссера. Жене в тяжелую минуту я послал открытку и написал: «Переживаю первую часть «Божественной комедии».

Первая часть «Божественной комедии» Данте Аллигьери назы-

вается, как известно, «Ад». Да, у меня на душе в то время был суицид! Пусть простит мне жена, но тогда я начал сомневаться даже в ее великодушии.

Она приехала из Архангельска, добираясь на крышах, подножках и платформах товарных поездов. Советская женщина, выросшая и воспитанная в духе сталинского гуманизма, окончившая в 1938 году вместе со мной театральный институт, она благородно и просто пришла мне на помощь.

В Москве, после госпиталя, меня принял председатель Государственного Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР. Он внимательно выслушал меня и сказал:

— Хныкать запрещаю категорически. Поймите, что вы нужны нашей советской культуре больше, чем до войны.

Актёр особенно остро чувствует отношение окружающих. Что же должен был переживать я в то время, искалеченный, много перестрадавший актер-солдат! Слезы радости и благодарности невольно текли из глаз, и я не в силах был унять их. Друзья мои, ребята, товарищи! Кто же научил вас так чутко относиться к человеку? Чья невидимая рука так бережно и заботливо направляла мою личную жизнь в привычное русло любимого труда?

И я снова мысленно обратился к товарищу Сталину. Я вспомнил о нем с такой сердечной и задушевной теплотой, что оказался я в то время вблизи от товарища Сталина, — не задумываясь, упал бы перед ним на колени и молиться бы стал на него. Да, молиться на этого величайшего человека нашей эпохи! Это он, наш родной отец, научил советский народ высоко ценить дружбу, заботиться о людях, о кадрах, о каждом даже самом маленьком человеке, скромном «винтике» в нашей могучей государственной машине. Это его, сталинское внимание к фронтовикам привело меня снова в театр.

Первой моей постановкой после госпиталя была пьеса «Капитан Бахметьев». С небывалым подъемом творческих сил, с каким-то иступлением работал я над спектаклем. Этой своей работой я как бы благодарил товарища Сталина и всех тех сердечных и чутких советских людей, кто так успешно учится у Сталина гуманизму.

Вот почему первой моей здравницей сегодня будет здравница в честь Иосифа Виссарионовича Сталина — самого человеческого, самого родного, самого любимого из всех людей.

Б. ПОТИК,
режиссер Курьского драмтеатра,